

Японское море

Сендай

Айдзу

Эдо

Киото

Фусими

Осака

Кобе

Коти

Нагасаки

Тихий
океан

1

Два клинка столкнулись с глухим звуком, и Ацуко сделала шаг назад, вынужденная отступить. Она предугадала следующее движение, развернулась на правой ноге и нанесла *цуки*¹ — низкий длинный удар, который должен был попасть ее брату в горло, но не сумел пробить защиту.

— Уж в этот-то раз я... — начала было она.

Но не успела договорить, как он замахнулся мечом — куда быстрее, чем она ожидала, и ей пришлось отпрыгнуть, чтобы избежать удара. Ацуко упала на бок, перекадилась и вскочила на ноги, как раз вовремя, чтобы отвести *боккэн*² в сторону и не оказаться пронзенной насквозь.

Однако тут ее плечи ударились о стену *додзё*³, и девушка поняла, что ее обвели вокруг пальца. Клинок

---

¹ Атака на горло, призванная перерезать сонную артерию. — *Здесь и далее прим. авт.*

² Японский деревянный меч, форма которого имитирует катану, используется для тренировок.

³ Зал для обучения боевым искусствам.

брата стремительно летел ей в голову, Ацуко зажмурилась... и почувствовала легкий щелчок по лбу.

— Много болтаешь, — улыбнулся Ибука и опустил меч.

Ацуко откинула в сторону прядь волос, которая выпала из пучка и теперь лезла в глаза, и показала брату язык.

— Ненавижу тебя.

— Не ври, ты меня обожаешь.

— Одно другому не мешает. У меня не то что победить тебя не получается, я даже не могу нанести хотя бы один удар. Я такая неумеха!

Ацуко угрюмо сползла по стенке вниз и уселась на пол. Брат на секунду замешкался, а затем последовал ее примеру. Проказливая улыбка исчезла, уступив место вдумчивому выражению, которое смотрелось неуместно на лице семнадцатилетнего юноши.

— Не говори так. Ты самая одаренная девушка из всех, кого я знаю.

— Вот именно. Девушка, — пробормотала она.

— Ладно-ладно. Ты самая одаренная личность шестнадцати лет из всех, кого я знаю. Хм, ну или в крайнем случае ты на втором месте. Хоши тоже очень хорош.

— Но чтобы тебя победить, этого мало.

Ибука прислонился спиной к стене, лениво потянулся, словно большой кот, и заложил руки за голову.

— Все потому, что я гений, сестренка. Все так говорят. Должно быть, так оно и есть. Дело не в том, что ты одарена недостаточно, это я слишком уж талантлив.

— Ох, ну какой же ты противный, — буркнула Ацуко и ткнула брата в бок.

Хуже всего, конечно, то, что он был совершенно прав. Ее драгоценный братец любимчик всех *самураев*¹ Айдзу: те не стеснялись утверждать, что перед ними не иначе как реинкарнация кого-то из легендарных воинов прошлого — то ли Миямото Мусаси, то ли Сасаки Кодзиро. Ибука, казалось, делает все шутя — и тем не менее его удары всегда были точны, его уклонения — доведены до совершенства, его защиты — безупречны. Он был наделен неслыханным проворством, поразительной скоростью реакции, впечатляющей ловкостью и едва ли не сверхъестественным чутьем.

Словом, он был невыносим.

— Однажды я тебя побью, — вполголоса пообещала Ацуко брату. — Однажды ты сделаешь ошибку, и я пробьюсь через твою защиту.

— Однажды, но не сегодня, сестренка, — засмеялся Ибука и взъерошил ей волосы. — И все же я не шутил, когда сказал, что ты одарена. Уж если кто меня однажды и победит, так это ты. Сегодня ты почти сумела до меня добраться.

— Правда? — воскликнула Ацуко. Голос ее был полон надежды.

— Ну не совсем, но я подумал, что тебе было бы приятно это услышать.

Девушка закатила глаза. Но долго злиться на брата ей было сложно. Он был такой лучезарный, все время

---

¹ Представители военной касты, которая управляла Японией с начала периода Эдо.

в прекрасном расположении духа. И к тому же он всегда столько для нее делал!

В конце концов, именно благодаря поддержке Ибуки ей, девочке, разрешили обучаться воинскому искусству. Когда мальчику было шесть, он заметил, что сестра пробирается в *додзё* подсматривать за его занятиями — и принялся умолять отца, чтобы тот позволил ей присоединиться к урокам. Так у Ацуко появилась возможность вместе с братом обучиться *кэндзюцу*¹, а также *кюдзюцу*², *бадзюцу*³ и *джиу-джитсу*⁴ под руководством самых выдающихся мастеров Айдзу. Девушка была бесконечно благодарна отцу за такую наполненную любимыми занятиями юность.

Стоило Ацуко подумать о нем, и вот уже плотный силуэт Сибы Таномо вырисовался в дверях *додзё*. Был он кражистым ровно настолько же, насколько дети его были тонкими и стройными, с предплечьями, широкими, будто окорока, и ладонями, напоминающими медвежьих лапы. Однако, несмотря на свой устрашающий вид, везде, кроме поля битвы, это был добрейший из мужчин и нежнейший из отцов.

— Ну как, кто победил?

— Ты и сам прекрасно знаешь, отец, — надулась Ацуко.

---

¹ Японское искусство владения мечом, практиковалось самураями.

² Японское искусство владения луком, практиковалось самураями.

³ Японское искусство верховой езды.

⁴ Боевое искусство, объединяющее техники боя, разработанные самураями в период Эдо.

— Однако ей удалось поставить меня в затруднительное положение, — тут же вступился за нее брат. — У нее настоящий дар.

— Конечно у нее дар, как же иначе? Ведь она моя дочь! — широко улыбнулся Таномо. — Я так вами горжусь. Я уверен, Ибука, ты станешь великим воином. Истории о твоих подвигах зазвучат по всей Японии и, несомненно, дойдут даже до ушей императора в Эдо.

Несмотря на искреннюю похвалу, Ацуко помрачнела. Отец не случайно промолчал о ее будущем. Пускай она мастерски владеет *катаной*¹ — похуже, конечно, чем брат, но кому дано его превзойти? — ей никогда не стать самураем.

Таномо уже показал невероятную широту взглядов, когда позволил ей обучаться воинскому искусству наравне с сыном. Ведь ему, без сомнения, пришлось с улыбкой сносить ядовитые замечания товарищей и сравнения Ацуко с их дочерьми.

Она знала, что большинство отцов ожидали от своих девочек одного: что те вырастут жеманными, улыбчивыми, покорными и готовыми к выгодному браку — если повезет, с кем-нибудь из рода влиятельных придворных. Пускай каста воинов все еще пользовалась уважением, но теперь настала эпоха купцов: звезда самураев клонилась к закату, а богатства их стремительно таяли. Мещане все больше и больше пользовались доверием императора, а влияние воителей в мирное время было ничтожным. Отсюда и многочисленные

---

¹ Меч длиной более 60 сантиметров, главное оружие самурая.

союзы между простолюдинами, ищущими положения в обществе, и обедневшими самураями.

Мало того, Ацуко прекрасно понимала, что и подруг у нее почти не было. Ровесницы не разделяли ее увлечений, а лишь бесконечно болтали о мальчишках. Да, Ацуко старалась войти в их круг, но только все напрасно. Она даже заставила себя подобрать волосы и натянуть *фурикодэ*¹ на последнее празднование *Сэцубуна*², подобно всем остальным незамужним девушкам в квартале. Однако Ацуко ждала жестокая неудача. Ясухимэ насмеялась над шрамом на ее левом виске, что служил напоминанием о неудачном увороте за две недели до праздника. Томоэ обидно передразнивала деревянную походку Ацуко под одобрительный смех остальных девчонок. А если Мунэми и выказала ей больше понимания, чем остальные, так это только затем, чтобы потом с самым беззаботным видом спросить, не видится ли сейчас с кем-нибудь ее брат.

Да, отец у Ацуко был мировой; но даже он не мог пойти против обычаев. Когда-то давным-давно женщины-самураи не просто существовали, но и пользовались особым уважением. Их называли *онна-бугэйся*, и никто и никогда не осмеливался над ними смеяться. Да только вот их времена давно канули в прошлое.

И это, говорила себе Ацуко в приступах бессильного гнева, попросту нечестно.

---

¹ Самая торжественная разновидность японского кимоно.

² Японский национальный праздник, знаменующий приход весны по древнему лунному календарю. В наши дни его отмечают третьего февраля.

— Но ты ведь пришел сюда не просто осыпать нас похвалами, — заметил Ибука, заглядывая отцу в глаза. — Тогда зачем?

Таномо разразился звучным смехом, таким же могучим, как его плечи, таким же крепким, как его объятья.

— Вот так, значит, ничего уже от вас не утаишь? Ну хорошо. Через неделю мы приглашены на прием к Мацудайре Катамори. Он наслышан о твоей удали, Ибука, и желает увидеться с тобой лично. Не хочу давать тебе ложных надежд, но, возможно, он ищет новых *хатамото*¹.

Ибука одним прыжком вскочил на ноги и от волнения уронил *боккэн* — тот упал прямо на голые пальцы его ног.

— Ай! — вскричал он и тут же покраснел до корней волос.

— Именно такого поведения и стоит избегать во время приема, — хохотнул Таномо. — Наш *даймё*² ожидает встретить юношу из легенд, нового Мусаси, а не мальчишку-переростка, неспособного владеть собой.

Несмотря на непринужденный тон, Ацуко услышала в словах отца подспудную тревогу. Таномо чувствовал себя в высшем обществе Айдзу не в своей тарелке. Конечно, от приглашения самого *даймё* отказаться

---

¹ Официальная стража *даймё* или *сёгуна* (полководца) в феодальной Японии. Хатамото часто использовали как элитные войска или быстрое подкрепление на службе у *сёгуната* Токугава.

² Японский дворянский титул, который означает управляющего провинцией полководца, происходящего из военной касты, который в феодальной Японии подчинялся приказам *сёгуна*.

было нельзя, но, вероятно, отцу предстояло всю неделю размышлять, перебирая в уме всевозможные неприятности и прочее, что могло бы навлечь на его семью бесчестье. Таномо был бесстрашным воином: на это указывали бесчисленные шрамы на его груди — «И ни одного на спине!» — всегда уточнял он с гордостью в голосе. Но он прекрасно знал, что его медвежьи манеры не к месту на чопорных церемониях и званых обедах. И вот у его сына появилась возможность произвести хорошее впечатление. Возможно, другой такой не будет.

— Я сделаю все возможное, чтобы не заставить тебя краснеть, отец, — выдохнул Ибука, потирая большой палец на ноге.

— Я в тебе не сомневаюсь. Ацуко, ты, конечно, тоже приглашена.

Девушка уставилась на отца с раскрытым от удивления ртом. Уж не снится ли ей это? Быть может, она с самого начала ошибалась насчет его намерений? Быть может, он готов выступить против обычаев? Неужели ее тоже, как и брата, могут выбрать в телохранители *даймё*? В конце концов, если бы кто-то и решился включить женщину в число своей личной охраны, это мог бы быть только Мацудайра Катамори. Его решения не смел оспаривать никто.

— Правда? — наконец сумела пробормотать она.

— Конечно, — подтвердил отец и нежно улыбнулся ей. — Вот тебе и повод вновь надеть то чудное *фурисо-дэ*, которое было на тебе на прошлом празднике. Только представь, сколько любезностей тебе наговорят

при дворе! Что бы ты там ни думала, ты очень привлекательная девушка. Стоит только уделить внешности чуточку внимания.

Ацуко почувствовала, как разбивается ее сердце. Ей вдруг стало сложно дышать.

— Что это значит? — выдохнула она.

— Отец, ну что же ты такое говоришь? — возразил Ибука. — Ацуко прекрасна, даже если ничуть не уделяет внимания своей внешности.

— Да-да, что это я? Прости, дочка, ты же меня знаешь, я никогда не умел подбирать слова, — извинился Таномо и вновь разразился смехом. — Я просто хотел сказать, что в этом наряде ты была чудо как хороша! Я уверен, что ты, как и твой брат, сможешь как следует впечатлить публику на приеме у *даймё*.

Да только вот совсем в другом смысле, горько подумала Ацуко. Намерения у ее отца были самые лучшие, но ему было невдомек, насколько сильно ее ранили эти слова. Чудесным временам настал конец. Пускай она и училась всему тому же, что и ее брат, их дорогам вот-вот предстояло разойтись. Он станет самураем, а она выйдет замуж за какого-нибудь канцелярского крыса при императорском дворе, у которого достанет вкуса заметить, как она хороша в *кимono*.

Настало время поговорить с отцом — сейчас же, немедленно. Только здесь, в *додзё*, где она провела столько времени, она могла набраться смелости и сказать все начистоту. Она снова подобрала прядку, которая падала ей на глаза, глубоко вдохнула и начала:

— Отец... Я хочу тебя попросить...

Он обернулся к ней, такой высокий, такой мощный, и в его нежном взгляде читалась непоколебимая вера в своих детей.

— Ну конечно, — перебил он ее в порыве щедрости. — Если хочешь новый наряд, я попробую это устроить. Ты ведь знаешь, мы уже не так богаты, как раньше, но для дочери мне ничего не жалко. Можем навестить завтра утром старушку Ханаэ, ну, что скажешь? Кажется, ей доставляют ткани из самой столицы.

Ацуко тайком смахнула слезы рукавом тренировочной курточки. Девушка из хорошей семьи не должна плакать на людях.

— Чудесно, — выдохнула она. — Я буду просто счастлива.

2

Порой лето в Эдо выдавалось удушающе жарким. Вот и теперь дождя не было уже два месяца, и город медленно сгорал под палящим солнцем. Члены семей *даймё* могли укрыться от него под деревьями в своих больших садах, окружавших дворец, но простолюдинам такая роскошь была недоступна. Вишневые деревья, высаженные вдоль дороги, что вела к императорскому дворцу, из-за засухи склоняли ветви к земле, а продавцы перенесли свои прилавки в тень буддистских храмов. При любом удобном случае горожане бежали освежиться на берега реки Сумиды и временами забывали, что не умеют плавать. Коварные воды поглотили множество неосторожных.

В такой убийственный зной ссоры разгорались быстро и, несмотря на все усилия стражи, преступлений совершалось как никогда много. Перепалки в тавернах зачастую заканчивались смертями и ранениями, а в глухих проулках находили брошенных грабителями жертв.

Эдо был столицей Империи, культурным, политическим и экономическим центром Японии. Однако судьбоносным событиям суждено было произойти не здесь, а в куда более скромном городе под названием Нагасаки, что находился на другом конце архипелага. Это было одно из немногих мест в Японии, куда допускались иностранцы и где разрешалось приставать их кораблям.

Тем вечером двое британских моряков отправились в центр, чтобы развлечься в квартале удовольствий. Они провели много месяцев в море, а в карманах у них было достаточно монет, чтобы в полной мере насладиться предстоящей ночью.

Следующим утром их обоих нашли мертвыми на улице.

И судьба Японии изменилась навсегда.

— Вы не можете этого так просто оставить. Если вы промолчите, все повторится снова и Британская империя станет посмешищем для всего мира! — шипел Уильям Ллойд.

Он одним махом опустошил чашку, которую поднес ему слуга. Ллойд любил чай, как и любой истинный британец, но так и не сумел привыкнуть ко всем церемониям, которые разводили вокруг него японцы. Он предпочитал получать и пить свой напиток побыстрее — так у него оставалось больше времени на важные дела.

А сегодня дело было особенно важное.